
В. В. ТИШИН, Н. Н. СЕРЕГИН

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

В статье представлен опыт реконструкции статуса женщин в древнетюркском обществе. Приведен обзор исследований этой проблематики. Анализ письменных и археологических материалов позволил детализировать наблюдения о положении представительниц слабого пола в социуме кочевников VI–X веков.

Ключевые слова: древние тюрки, Центральная Азия, женщины, статус, письменные источники, археологические материалы.

Изучение различных аспектов социальной истории кочевников Евразии традиционно привлекает внимание исследователей. Устойчиво представлено мнение о том, что центральной фигурой в социумах кочевников древности и Средневековья был мужчина-воин. Данное утверждение выглядит вполне логичным и подкреплено сведениями многочисленных письменных, археологических, этнографических, иконографических и других источников. Вместе с тем в последние десятилетия появились материалы, в свете которых такая картина гендерной истории видится не столь однозначной. Так, введены в научный оборот и интерпретированы результаты археологических раскопок целого ряда памятников скифо-сарматского периода, включавших захоронения «выдающихся» женщин, которые, очевидно, занимали достаточно высокое место в обществе, а их социальная роль явно не ограничивалась ведением домашнего хозяйства (Полосьмак 2001: 275–276, 279; Петренко и др. 2004). Исследователи отмечают, что женские погребения этнографического времени, изученные в различных районах Центральной Азии, по составу сопроводительного инвентаря значительно «богаче» мужских (Дьяконова 1975: 129; Кубарев 2007: 296–297). Имеются и другие примеры, свидетельствующие о гораздо более сложной картине социальных отношений в обществах кочевников различных ис-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Центральная Азия в эпоху раннего Средневековья: комплексная реконструкция этнокультурной и социально-политической истории», МК-2490.2014.6).

торических периодов. Решение многих дискуссионных вопросов в этом направлении связано с детальным исследованием конкретных социумов.

Цель настоящей статьи – анализ особенностей статуса женщин в древнетюркском обществе VI–X веков. Положение представительниц слабого пола в социуме кочевников Центральной Азии изучается по двум основным группам источников – письменным и археологическим, данные которых четко коррелируют с этнографическими сведениями. Обозначенные материалы по многим позициям дополняют друг друга, позволяя комплексно реконструировать гендерную историю древних тюрков в рассматриваемом аспекте.

Вопрос о роли и месте женщины в древнетюркском обществе VI–X веков в историографии находил отражение в контексте более широкой проблематики, связанной с социальной структурой, формами социальной зависимости, характером древнетюркской семьи и др.

В работах многих исследователей с самого начала утвердилось мнение о довольно высоком положении женщины в обществе древних тюрков, прежде всего ввиду ее роли в домашнем хозяйстве (Мелиоранский 1898: 276). Это отмечал А. Н. Бернштам (1946: 91–93, 95–98), пытавшийся обосновать наличие пережитков матриархата, а также институтов левирата и минората в сконструированной им путем анализа социальной терминологии патриархальной семейной общине. Исследователи, исходя из понимания патриархального (домашнего, семейного) рабства как основной формы внутренней эксплуатации в древнетюркском обществе, указывали на использование труда женщин и девушек в семейном хозяйстве (Там же: 121–122; Зуев 1967: 140–142; Гумилев 1993: 53–54, 55; Кляшторный 2003: 479–485). Чаще всего подчеркивается важная роль женщин у древних тюрков (Spuler 1966: 144; Зуев 1967: 83–84; Гумилев 1993: 74–75; Roux 2007: 138–139; Johansen 1994: 75; и др.). Имеются, правда, и исключения, о которых речь пойдет далее.

Турецкий социолог М. Зийя (Гёк Алп) считал, что у доисламских тюрков женщины имели право участвовать в собраниях знати (той, курултай), а каган принимал решения вместе со своей супругой хатун (Gökalp 1981: 90–91). Ученый отмечал отцовский, патриархальный характер традиционной семьи у тюрков (*Idem* 1976: 293–295, 326–327). Подобные идеи нашли отражение и в более поздних работах турецких историков (Zeki Validi Togan 1939: 127–

128; Максуди Арсал 2002: 270–276; İnan 1948: 136–137; Ögel 1971: 22–23, 24–25, 73; Turan 1969: 220; Kafesoğlu 1997: 228–229, 241; Donuk 1982: 162–167).

Внимание ученых неоднократно привлекали вопросы, связанные с ролью женской родни в социальной жизни древних тюрков (Киселев 1951: 294; Потапов 1953: 137–138; Кляшторный 2003: 158; Cuisenier 1971: 97, 98–99; Ecsedy 1972: 250–252; Зуев 1967: 47–48, 68, 126–127, 144–145, 151–152, 162–169, 172–177; Он же 2002: 10, 33–34, 74–75, 85–88, 167–169, 217–218, 226–229; Торланбаева 2007: 55, 58–60). Однако эта проблематика остается неразработанной из-за методологических трудностей.

В настоящее время можно считать установленным, что для кочевнических обществ характерна нуклеарная семья из четырех-пяти человек (Хазанов 1975: 73–76; 2002: 227–231; Khazanov 1994: 126–130). Об аналогичной ситуации для тюрков говорят следующие факты. Во-первых, как отметил Ю. А. Зуев, «Синь Тан шу» сообщает о сыне Тай-цзуна, который интересовался образом жизни тюрков и устраивал с товарищами соответствующие игры, во время которых он приказывал 5 игрокам образовывать «орду» (*ло*), на которую приходилась одна палатка (*цюн-лу*) (Зуев 1967: 78–79; см. также: Liu Mau-tsai 1958: 283; Лю Маоцай 2002: 33). В ранних китайских источниках иероглиф *ло* обозначал юрту или шалаш у кочевых народов, в то время как китайская семья маркировалась иероглифом *ху* – «двор» (Думан 1970: 45 [прим. 25]; Таскин 1984а: 15). Л. А. Боровкова допускает, что *ло* могло состоять «всего из пяти человек» (Боровкова 1992: 67, 168 [прим. 1]). Показательно, что, например, телэсцы покорились тюркскому кагану в 546 году в количестве 50 тыс. юрт (*ло*) (Там же: 94). Во-вторых, примерно такое же соотношение получается при статистическом подсчете содержащихся в «Цзю Тан шу» данных о подвластных тюркских семьях: 4,22 человек, но у племен, обитавших на Алтае, – 7,5 человек (Зуев 1967: 81–82; см.: Малявкин 1980: 115–116; 1981: 28–29).

Ни в одном источнике нет прямого указания на многоженство у древних тюрков. Однако еще Бернштам (1946: 94) на основе данных о монголах отмечал такой характерный факт, как расселение жен по разным кибиткам. Это явление, кроме монголов (Малеин 1957: 36, 92), известно у казахов (Андреев 1998: 64; Левшин 1996: 338) и алтайцев (Дыренкова 1926: 255). Бернштам полагал, что рассредоточение жен по разным юртам отражало деление патриархального (родового) хозяйства на ряд индивидуальных, семейных

хозяйств. Каждое из них подчинялось женщине, через которую опосредованно управлялось главой рода (Бернштам 1946: 94–98), т. е. каждая юрта с принадлежавшим хозяйством под ответственностью женщины являлась сегментом общего хозяйства, принадлежавшего одному мужчине. Надо полагать, что подобная мера имела *исключительно практическое значение* ввиду неустойчивости имущественного положения в условиях экологически зависимого кочевнического хозяйства. Распределение ставок по разным участкам хозяйственной территории семьи увеличивало шансы на сохранение поголовья скота в случае каких-то бедствий локального характера.

Именно в значении «селение», а не «шатер, кибитка» и не «загон для скота» упомянут термин *ayil* в Суджинской стеле (Кляшторный 1959: 163; Pritsak 1981: 13), где мемориант хвалится десятью «селениями» – очевидно, стоянками – и множеством скота (*jüqi*) [С/Е-47, 5].

Термин *eb* («дом») в памятниках древнетюркской рунической письменности употребляется в самом широком спектре значений (Tuna 1988: 66), но первичным является именно значение «палатка», «дом» (Clauson 1972: 3–4). В надписи на Суджинской стеле встречается фраза *eblädim oyulimîn*, что буквально переводится как «одомовил (т. е. наделил домами) [я] сыновей [моих]» [С/Е-47, 6], т. е. дал им юрты. Недавно получила обоснование гипотеза об уточнении прочтения второй лексемы как *bayladim*, что меняет лишь объект действия: юртами наделяются дочери меморианта, выданные замуж (Şirin User 2009: 110–111). Таким образом, термин *eb* маркирует минимальную хозяйственную единицу, коей является юрта, т. е. одно домохозяйство.

Следует обратить внимание на употребление в енисейских памятниках термина *qunčuj* – «жена», которому в некоторых случаях предшествует падежная форма слова *quj-da* (Кормушин 2008: 258–261), т. е. букв. «в доме», так как *quj* < кит. *гуй* обозначает «помещение, где живет женская часть семьи, женская половина дома; покои» (Наделяев и др. 1969: 464; Clauson 1972: 674). Т. Байкара высказал мнение, что *kuu* означает оседлые ставки (Baykara 1995: 25–26, 28–29). Термин *qunčuj* в енисейских эпитафиях в большинстве случаев предшествует *oyul* – «дети», когда они встречаются в одной синтаксической конструкции [Е-1, 1; Е-3, 1; Е-13, 1; Е-14, 2; Е-16, 1] (исключения: Е-68, 4; Е-70, 2). В памятнике Уюк-Туран вслед за *qujda qunčuj-īm* следуют *öz-dä oyli-m* [Е-3, 1] – в данном

контексте буквально «свои сыновья». О. Ф. Серткайя и И. В. Кормушин связали детерминатив *özdä* с приложенным к вышеупомянутой группе *qunčuj* детерминативом *qujda*, верно отметив, что *öz oylı* являются, по-видимому, потомством тех самых *qujda qunčuj* (Sertkaya 1995: 71; 2011: 28; Кормушин 1997: 193–194; 2008: 260–263).

В нескольких енисейских памятниках [E-42, 2; E-51, 1; E-66, 1; E-109, 4] термин *qunčuj* заменяется термином *ebči* (Кормушин 1997: 146; 2008: 263–264). В памятнике Баян-Кол встречается сочетание *öz ebči qunčuj-ımqa* [E-100, 1]. Это, судя по всему, первое употребление двух терминов вместе (Он же 1997: 252), и, видимо, как раз здесь тюркский термин *eb* заменяет китайский синоним *quj*. Со временем образованный с помощью соответствующего аффикса термин *ebči* приобретает новое значение, переходя из разряда детерминатива в разряд существительных: *ebči* – «домашняя хозяйка», «домоправительница» > «жена» > вообще «женщина» (Он же 2008: 263).

Приведенные лингвистические данные могут быть увязаны с этнографически зафиксированным у кочевников обычаем наличия юрты в приданом невесты (Андреев 1998: 62–63; Левшин 1996: 335, 338; Гродеков 1889: 47).

Китайский источник фиксирует у древних тюрков обычай отдавать дочь за нанесенное увечье глаза, а если нет дочерей, то имущество жены. Е. И. Кычанов считал, что женщины у тюрков приравнивались к имуществу, поскольку «шли в уплату композиций за некоторые уголовные преступления». Он исходил из перевода последней фразы *фу-цай* как «жену и имущество» (Кычанов 2010: 131), хотя не отрицал и перевода Н. Я. Бичурина как «женино имущество» (Бичурин 1950: 230)**. Иероглиф *фу* «замужняя женщина», «жена» может в данном случае выступать как неоформленное определение к последующему слову *цай* («имущество, собственность»), когда служебное слово *чжи* опускается, – явление, известное еще в позднем древнекитайском языке (Яхонтов 1965: 104; Софронов 2007: 180).

** Ср. другие варианты перевода этого выражения: у Ст. Жюльена – «femme et ses richesses» (Julien 1864: 352), у Э. Х. Паркера – «wife or the other property» (Parker 1900: 166, 171), у Лю Маоцай – «seine Frau und seine Vermögen» (Liu Mau-tsai 1958: 42), «свою жену и свое имущество» (Лю Маоцай 2002: 20), у А. Ташагыла, перевод по «Тун дянью», – «kadınla veya kadınsız karşılığını öder», и далее: «Yani evli kadınlara zarar verenler bunu varlıklarıyla öderken» (Taşağıl 2003: 98).

Юрта, таким образом, могла составлять часть приданого жены у древних тюрков. Этот обычай был обусловлен хозяйственными нуждами и отражал имущественное расслоение у кочевников: жених должен был быть очень богатым, раз мог и оплатить калым, и получить юрту для создания очередной хозяйственной ставки.

В одной из статей Л. Крэдер, чтобы доказать тезис о бесправии женщин у кочевников, писал, что в древние времена дочь могла быть продана в рабство за преступление отца (Kradeg 1955: 74). Однако скорее это означало, что отец отдавал дочь без калыма. О существовании института калыма у древних тюрков можно судить по упоминанию в Суджинской стеле термина *qaliŋ* [С/Е-47, 7], а также по сообщениям источников о *телэсцах* (Бичурин 1950: 215; Таскин 1984б: 268, 401 [прим. 1]) и кыркызах (Бичурин 1950: 353; Бартольд 1973: 48).

Количество женщин в семье мужчины служило также неким показателем его социального уровня, поскольку демонстрировало возможность обеспечить их, автоматически поднимая его престиж в глазах соплеменников. Например, С. Болотов спросил у одного казахского бия, зачем тому было при двух молодых женах-красавицах брать еще третью. Тот ответил, что поскольку одна не справлялась с хозяйством, когда другая доставляла ему улады, он отправил вторую помогать первой по хозяйству, а для утех взял третью (Болотов 1866: 189).

Увеличение численности женской части семьи могло быть обусловлено лишь возможностью прокорма, так как приход в дом новой женщины увеличивал число работниц по хозяйству, но не число непосредственных добытчиков. Судя по материалам различных эпох, разделение труда в кочевнической семье состояло в том, что женщина занималась в основном домашним хозяйством, а мужчина – охотой, войной и выпасом скота (хотя скот пасли и женщины) (Малеин 1957: 37, 94, 100–101; Андреев 1998: 65–66; Левшин 1996: 331, 333–334; Болотов 1866: 184).

Чингисхану приписывают следующее изречение: «Мужчина – не солнце, чтобы [одновременно] показываться людям всюду. Жена, когда ее муж уезжает на охоту или на войну, должна содержать дом в порядке и прибранным с тем, чтобы, когда посол либо гость останутся в доме, он увидел бы все в порядке, а она сделала хорошее кушанье и приготовила все, что нужно гостю. [Такая жена] естественно создает хорошую репутацию мужу, подымает его имя, и [муж ее] на общественных собраниях возвысится, словно гора.

Хорошие качества мужа узнаются по хорошим качествам жены. Если жена дурна и неразумна, беспутна и непорядлива, то и муж по ней познается!» (Рашид ад-Дин 1952: 261). Стереотип идеальной жены для кочевника отражен и в огузском эпическом сборнике «Китаб-и Дэдэм Коркут» в образе заботливой домохозяйки: «Опора своего дома, это та, которая, когда из степи в дом приходит гость, когда муж ее на охоте, она того гостя накормит, напоит, уважит и отпустит» (Бартольд 1962: 13).

Об уважительном отношении древних тюрков к женщинам говорит описанный «Синь Тан шу» случай с сыном Се-ли кагана, который на пиру отказался есть мясо, когда его мать пришла последней и ей не хватило доли. Это поразило китайского императора, и она получила свою долю (Liu Mau-tsai 1958: 197; Лю Маоцай 2002: 70). Однако роль женщин не ограничивалась работой в хозяйстве. В «Цзю Тан шу» есть сообщение, что «по обычаю северных варваров, катун принимает участие в военных предприятиях» (Liu Mau-tsai 1958: 91; Лю Маоцай 2002: 40). О тюркских женщинах Ибн Ал-Джахиз пишет: «Их женщины скроены по образцу и подобию их мужчин, а их лошади приспособлены исключительно для них» (Асадов 1993: 88). В «Китаб-и Дэдэм Коркут» описан эпизод, когда достигший свадебного возраста сын на вопрос отца, какую жену он хочет, ответил: «Отец, пока я еще не встал со своего места, пусть она встанет; пока я еще не сел на своего богатырского коня, пусть она садится; пока я еще не отправился к народу кровожадных гяуров, пусть она отправляется, пусть приносит мне голову» (Бартольд 1962: 63). Ряд свидетельств позволяет судить о том, что женщины у кочевников в верховой езде и стрельбе из лука не уступали мужчинам и иногда принимали участие в боевых действиях (Малеин 1957: 36, 37, 52–53; Андреев 1998: 65, 66; Левшин 1996: 302, 343–344; Гродеков 1889: 96; и др.).

Однако среди множества жен тюрка, очевидно, не все обладали одинаковым статусом. В условиях господства малой нуклеарной семьи как минимальной социальной единицы одна из жен непременно должна была иметь определенные привилегии по сравнению с остальными. Характерно, что в Хошо-Цайдамских текстах титул *qatun* носит только мать Бильге-кагана, т. е. наследника своего отца [КТб, 11 = БК, X, 10; КТб, 25 = БК, X, 21; КТб, 31]. В памятнике Кюль-тегина перечисляется вся женская половина, находившаяся в ставке (*ordo*): вначале выделяется *ög-im qatun*, а за ней упомянуты *ög-lärim* [КТб, 9]. Термин *ög* («мать») в орхонских текстах часто

употребляется в паре с *qan* («отец») (Наделяев и др. 1969: 378; Clauson 1972: 99), особенно при упоминании титулатуры правящей четы: *qan-īm qaḡan-īy ög-īm qatun-īy* [КТб, 25 = БК, X, 21–22]. Т. Текин считает оба выражения устойчивыми (Tekin 2003: 200). Термин *ög*, в памятнике Кюль-тегина данный в форме множественного числа, означает, по-видимому, мачех, т. е. других жен главы рода (Бернштам 1946: 90).

Кроме главной жены *qatun* и других жен, были, вероятно, наложницы, или женщины, не обладающие полноправным статусом в обществе. Исходя из наличных данных, судить об этом достаточно трудно.

Касательно древних тюрков VI–VIII веков есть лишь свидетельства о захвате в плен женщин, обозначенных неопределенным термином *jotuz-în* [БК, X, 24, 38; БК, Ха, 3, 4] (Şirin User 2009: 253). В двух енисейских текстах упомянута форма *jotuz-uma* [E-43, 1; E-120, 1] – «жена» (Кормушин 1997: 198; 2008: 259), по более поздним аналогиям (Наделяев и др. 1969: 282; Clauson 1972: 894–895). Судя по всему, термин *jotuz*, видимо, прошел обратную семантическую эволюцию: «женщина вообще» > «жена».

Тоньюкук среди преподнесенного врагами золота, серебра и прочих сокровищ упоминает *qiz qoduz* – «девиц [и] женщин» [Тон, 48 (= II Южн., 4)] (Giraud 1961: 64, 112), сочетание, известное также из памятника Могойн Шине-Усу: *jilqisîn barimîn qizîn qoduzîn kelirtim* – «скот, имущество, девиц [и] женщин [я] принес» [МШУ, 15 (= Вост., 3)], где второй термин обозначает незамужних женщин или вдов (Bazin, Hamilton 1994). По сообщению китайских летописей, в 619 году Бу-ли шад, младший брат кагана Чу-ло, напав на город Бин-чжоу, захватил «множество прекрасных женщин» (Liu Mau-tsaï 1958: 134; Лю Маоцай 2002: 6; Таşağıl 2003: 102).

Судьба захваченных женщин была различной – прежде всего они могли стать женами не имевших средств для сбора калыма кочевников или их более состоятельных сородичей. Известно, что западно-тюркский каган Истеми (Дизавул у Менандра) «почтил» византийского посла Зимарха пленницей из народа кыркыз [Men. Fr., 20] (Дестунис 1860: 378 [прим. 50]; Chavannes 1903: 238). В 618 году китайцы отправили посланца «с девушками-певицами в подарок Шиби-кагану» (Кюнер 1961: 183; Таşağıl 2003: 125). Женщины поставлялись тюрками в качестве подарков к танскому двору (Шефер 1981: 77). В 733 году правитель Хутгаля с титулом *се-ли-фа* прислал Китаю девушек-музыкантов (Бичурин 1950: 326; Chavannes

1903: 168; Малявкин 1989: 87). Но в древнеуйгурском памятнике «Ырк битиг» есть фраза: *abīncī qatun bolzun* – «пусть наложница госпожой станет» [ЫБ, XXXVIII], где *abīncī* < *abīn* («удовольствие») (Кляшторный 2003: 480). Неясны как различие между этими статусами, так и сам механизм вертикальной мобильности.

Из материалов других эпох известно, что наложницы могли иметь детей, которые обладали такими же правами, что и дети жен (Малеин 1957: 36; Андреев 1998: 64; Левшин 1996: 334; Гродеков 1889: 37).

Однако при избрании каганов дважды был обойден Да-ло-бянь ввиду низкого происхождения его матери (в источнике – *цзянь*, «низкое общественное положение; подлое состояние [происхождение], худородство». – *Авт.*). По мнению И. Эчеди, имеется в виду меньшая знатность ее рода по сравнению с родом жены (Ecsedy 1972: 251–252 [note 8]). Да-ло-бянь же, получив лишь титул *А-бо* кагана, «вернулся управлять своим племенем» (*хуань лин-со бу*) (*Ibid.*: note 11) и в дальнейшем предпринял все действия со своим «народом» (*иу*), «племенем» (*бу-ло*) (*Ibid.*: note 8). Их Эчеди считает родственниками матери *А-бо*, что подтверждается сообщением: когда враги напали на его главную ставку, то убили там его мать (*Ibid.*: 257–258 [note 8]).

То же произошло с *Сы-мо*, который был похож лицом на согдийца (*ху*), и каганы подозревали, что он не из рода *А-ши-на*. Оставаясь тегинном, он не мог продвинуться выше определенного социального статуса (Liu Mau-tsai 1958: 152; Лю Маоцай 2002: 73).

Вероятно, статус женщин, взятых в жены по обычаям, был выше, поскольку за ними стояли их родственники, а захваченным женщинам ни на чью поддержку рассчитывать не приходилось. Поэтому речь может идти о женщинах, которые не считались полноправной частью социума.

Сведения письменных источников о положении женщин в древнетюркском обществе существенно дополняют результаты анализа археологических материалов, имеющих большое значение для детализации данного аспекта социальной истории кочевников. Результаты раскопок *погребальных памятников* второй половины I тыс. н. э., расположенных в различных частях Центрально-Азиатского региона, позволяют конкретизировать целый ряд вопросов, рассмотренных выше.

К настоящему времени на территории Центральной Азии известно около 350 погребальных комплексов, соотносимых с куль-

турой древних тюрков (Серегин 2013: 186–204; 2014: 111). Однако для исследования социальных отношений, в частности детализации различных аспектов гендерной истории кочевников, может быть привлечена только часть материалов. Дело в том, что значительная часть памятников разграблена и, кроме того, отсутствуют антропологические определения для многих погребений. Поэтому для социальной интерпретации комплексов была сформирована специальная «качественная» выборка, насчитывающая 204 объекта. Основным фактором при отборе стала возможность определения пола умершего человека (на основании результатов антропологического анализа или по устойчивым наборам предметов инвентаря). В итоге выделено 40 женских захоронений, 133 мужские могилы и 31 погребение детей и подростков.

Резкое количественное преобладание погребений мужчин, помимо обстоятельств, связанных со спецификой формирования выборки, может объясняться объективными причинами. Из-за нестабильности политической ситуации на территории Центральной Азии в раннем Средневековье вполне вероятно высокая смертность именно мужского населения. Не следует исключать, что женскими являются некоторые безынвентарные погребения, не включенные в анализируемую выборку из-за невозможности точного определения половой принадлежности умершего. Кроме того, известно, что большее количество мужских погребений по сравнению с женскими в целом характерно для подвижных кочевых социумов (Балабанова 2009: 83–84).

В связи с высокой степенью унификации погребального обряда древних тюрков Центральной Азии наиболее четким показателем, отличающим женские захоронения, является качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря. Статистический анализ позволил обозначить степень распространения конкретных находок в могилах представительниц слабого пола. Выделены четыре комплекса предметов сопроводительного инвентаря, встречающихся в женских погребениях. *Первый комплекс* составили вещи, характерные только для женских погребений: металлическое зеркало, обнаруженное в 13 (32,5 %) могилах, игольник – 5 (12,5 %) и пряслице – 7 (17,5 %). Предметы сопроводительного инвентаря, включенные во *второй комплекс*, характерны преимущественно для женских захоронений, однако зафиксированы и в мужских. К ним относятся серьги, обнаруженные в 20 (50 %) могилах женщин, другие украшения (бусы, подвески, кольца и др.) – 9 (22,5 %),

гребни – 7 (17,5 %), а также украшения конского снаряжения – 13 (32,5 %). *Третий комплекс* составили находки, встречающиеся в равной степени в мужских и женских захоронениях: фрагменты шелковой одежды, найденные в 8 (20 %) могилах представительниц слабого пола, нож – 21 (52,5 %), удила и псалии – 25 (62,5 %), стремяна – 22 (55 %), плетъ или стек – 4 (10 %). *Четвертый комплекс* представлен вещами, нехарактерными для погребений женщин. Главным образом это предметы вооружения, маркирующие мужские могилы. Исключение представляют два захоронения женщин (5 %), в которых обнаружены небольшие кинжалы. Кроме того, к четвертой группе находок относятся наборный пояс – в двух (5 %) женских погребениях, а также металлический сосуд, китайские монеты и оселок, встречающиеся по одному разу (2,5 %). Помимо предметов вооружения в женских могилах не было таких предметов, как тесло (вид топора), котел и кочедык (разновидность шила).

Таким образом, погребальные памятники древних тюрков демонстрируют наличие устойчивых гендерных стереотипов. В меньшей степени отличие мужских и женских захоронений нашло отражение в размерах погребальных сооружений, количестве сопровождавших человека лошадей и качественном составе сопроводительного инвентаря. Наиболее распространенными находками в погребениях представительниц слабого пола были украшения и предметы быта. Практически полностью отсутствовали изделия, связанные с демонстрацией власти в обществе кочевников (вооружение, наборный пояс, котел). Не встречались также предметы, связанные с определенными хозяйственными занятиями и отражающие, вероятно, существовавшую трудовую специализацию (тесло, кочедык, оселок).

Интерес представляют редкие отклонения от обозначенных гендерных стереотипов, зафиксированные в материалах некоторых женских погребений, где обнаружены «мужские» предметы. Правдоподобным выглядит предположение о том, что такие вещи помещались в могилу для последующей передачи ранее умершему владельцу (Нестеров 1999: 97). Данная интерпретация подтверждается этнографическими материалами. Известно, что многие кочевые народы Алтае-Саянского региона верили во встречу родственников в загробном мире. Поэтому в ряде случаев в могилу вдовы клали кiset, предназначенный для передачи ее мужу (Дьяконова 1975: 23, 44–45, 130–131). Вероятно, похожие традиции были и у древних тюрков. Именно так можно объяснить нетипичное распо-

ложение в женской могиле «мужского» наборного пояса, помещенного не на привычном месте, а у головы умершей (Гаврилова 1965: 61).

Весьма вероятен и другой вариант интерпретации присутствия «мужских» предметов в женских погребениях. Такие вещи могли демонстрировать высокий прижизненный социальный статус умерших. В ряде случаев захоронения женщин, в составе инвентаря которых обнаружены нетипичные для представительниц слабого пола серебряный сосуд (Савинов 1994: 118, рис. 108–110), китайские монеты (Евтюхова 1957: 212, рис. 8), кинжал (Длужневская 2000: 180, рис. IV-4), включали и другие «престижные» категории предметов. Нарушение гендерных стереотипов было призвано подчеркнуть особое положение погребенных.

Социальный анализ материалов раскопок женских погребений древних тюрков позволил выделить несколько групп памятников, демонстрирующих общую дифференциацию среди представительниц слабого пола (Серегин 2013: 103–104). Основой для ранжирования стал многоступенчатый анализ объектов, предполагавший последовательную корреляцию всех показателей обряда, но прежде всего тех, которые были определены как социально значимые (Там же: 76–98).

Для погребений первой группы (8 объектов – 20 %) характерен наиболее разнообразный набор сопроводительного инвентаря, включающий не менее двух или трех вещей из числа таких «престижных» находок, как металлические зеркала, а также украшения конской амуниции и серьги, изготовленные чаще всего с использованием драгоценных металлов. Захоронения второй группы (12 объектов – 30 %) отличаются большей редкостью фиксации предметов торевтики (токарного и ваяльного искусства) из драгоценных металлов, а также меньшим количеством социально значимых находок в одной могиле (не более двух). Для погребений третьей группы (8 объектов – 20 %) характерно отсутствие вещей, изготовленных с использованием драгоценных металлов. Во всех объектах присутствовала одна, реже – две категории предметов торевтики из бронзы. Стандартным показателем объектов четвертой группы (12 объектов – 30 %) является полное отсутствие предметов торевтики. Наиболее распространенными находками были нож и конское снаряжение.

Так выглядит структура женской части социума древних тюрков по материалам погребальных памятников. Безусловно, это

только схема, отражающая основные тенденции в дифференциации общества кочевников. Есть основания для отнесения захоронений, включенных в первую группу, к элитным слоям социума номадов Центрально-Азиатского региона. Обратим внимание на то, что в тех случаях, когда имеется заключение антрополога, возраст умерших женщин из погребений первой модели определен в рамках 45–60 лет. Возможно, это свидетельствует о почитании старшей женщины в семье. Женские погребения, отнесенные к первой группе, раскопаны, за редким исключением, на территории Алтая. Такая же ситуация отмечена при изучении «элитных» захоронений мужчин (Серегин 2013: 119–126). Судя по всему, концентрация памятников, сооруженных для представителей высших слоев общества древних тюрков на указанной территории, связана с тем, что именно на Алтае фиксируется наиболее стабильное развитие рассматриваемой общности с ограниченным влиянием других объединений номадов второй половины I тыс. н. э.

Остальные группы женских погребений могут быть сопоставлены с представительницами различных по имущественному и социальному статусу слоев социума древних тюрков. Важным показателем служит отсутствие захоронений, демонстрирующих зависимое положение женщин в обществе кочевников. Учитывая, что статус женщины определялся положением мужчины, выделенная четвертая группа, в которую включены погребения с минимальным набором вещей или их отсутствием, вероятно, может быть сопоставлена с членами семей свободных рядовых общинников.

Таким образом, положение и роль женщины в социальной структуре кочевнических обществ определялись самой формой кочевого скотоводства. Женщина рассматривалась прежде всего как рабочие руки в домашнем хозяйстве. Если мужчина являлся непосредственным добытчиком средств к существованию, то женщина была ответственной за хранение, необходимую переработку и подготовку к использованию продуктов производства и потребления. Социальный статус женщины был изначально задан ее ролью в составе хозяйственного коллектива, местом в системе его внутренних функциональных связей. Вместе с тем имеющиеся материалы отражают общий достаточно высокий статус некоторых женщин в древнетюркском обществе. В частности, результаты раскопок погребальных памятников демонстрируют группу представительниц слабого пола, с высокой степенью вероятности принадлежавших при жизни к элите социума.

Сиглы памятников

БК, X – большая надпись на восточной стороне стелы Бильге-кагана.

БК, Ха – продолжение большой надписи на левой боковой (южной) стороне стелы Бильге-кагана.

Е – енисейские надписи.

КТб – большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль-тегина.

МШУ – стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень).

С/Е-47 – Суджинская стела, или «сын кыркыза».

Суй шу — «История [династии] Суй». Цит. по изд.: (Вэй 2005).

Тон – надпись советника Тоньюкука (две стелы).

ББ – «Ырк битиг» («Гадательная книга»).

Men. Fr. – Менандр Протектор, «История».

Литература

Андреев, И. Г. 1998. *Описание средней орды киргиз-кайсаков*. Алматы: Гылым.

Асадов, Ф. М. (пер.). 1993. *Арабские источники о тюрках в раннее Средневековье*. Баку: Элм.

Балабанова, М. А. 2009. Половозрастная структура населения поздне-сарматского времени Нижнего Поволжья. *Российская археология* 3: 79–88.

Бартольд, В. В.

1962. *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос*. М.; Л.: Наука.

1973. <Извлечение из сочинения Гардизи За йн ал-ахбар.> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.». В: Бартольд, В. В., *Соч.*: в 9 т. Т. VIII: *Работы по источниковедению*. М.: Наука, с. 23–62.

Бернштам, А. Н. 1946. *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы*. М.; Л.: АН СССР.

Бичурин, Н. Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Болотов, С. 1866. С Сыр-дарьи. *Русский вестник* 3: 172–195.

Боровкова, Л. А. 1992. *Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским источникам)*. М.: Наука.

Вэй Чжэн (ред.). 2005. *Цинь-дин си ку цюань шу хуэй-яо: Суй шу (гон эр цо)*. Чанчунь: Чанчунь чу-бань шэ (на китайском языке).

Гаврилова, А. А. 1965. *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.* М.; Л.: Наука.

Гродеков, Н. И. 1889. *Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области.* Т. 1. *Юридический быт.* Ташкент: Тип.-лит. С. И. Лахтина.

Гумилев, Л. Н. 1993. *Древние тюрки.* М.: Клышников, Комаров и К°.

Дестунис, С. 1860. *Византийские историки: Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец.* СПб.: Тип. Леонида Демиса.

Длужневская, Г. В. 2000. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II. В: Молодин, В. И. (ред.), *Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии.* Новосибирск: НГУ, с. 178–188.

Джумагулов Ч. 1982. *Эпиграфика Киргизии.* Вып. 2. Фрунзе: Илим.

Думан, Л. И. 1970. Внешнеполитические связи Китая с сюнну в I–III вв. В: Тихвинский, С. Л., Переломов, Л. В. (пер.), *Китай и соседи в древности и средневековье.* М.: Наука, с. 37–50.

Дыренкова, Н. П. 1926. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут. В: Богораз, В. Г., Штернберг, Л. Я., *Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР.* Вып. I. Л.: Изд-е Комиссии по устройству студ. этнограф. экскурсий, с. 247–259.

Дьяконова, В. П. 1975. *Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник.* Л.: Наука.

Евтюхова, Л. А. 1957. О племенах Центральной Монголии в IX в. *Советская археология* 2: 207–217.

Зуев, Ю. А.

1967. *Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков:* дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.

2002. *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии.* Алматы: Дайк-Пресс.

Киселев, С. В. 1951. *Древняя история Южной Сибири.* М.; Л.: АН СССР.

Кляшторный, С. Г.

1959. Историко-культурное значение Суджинской надписи. *Проблемы востоковедения* 5: 162–169.

2003. *История Центральной Азии и памятники рунического письма.* СПб.: СПбГУ.

Кормушин, И. В.

1997. *Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования.* М.: Наука.

2008. *Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология*. М.: Наука.

Кубарев, Г. В. 2007. Теленгитские погребения Южного Алтая. *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий XIII*: 293–297.

Кычанов, Е. И. 2010. *История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров)*. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петерб. лингв. общ-во, 2010.

Кюннер, Н. В. 1961. *Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока*. М.: Наука.

Левшин, А. И. 1996. *Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей*. Алматы: Санат.

Лю Маоцай. 2002. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках. *Бюллетень (Newsletter) общества востоковедов*. Прил. 1. М.: ИВ РАН.

Максуди Арсал, С. 2002. *Тюркская история и право*. Казань: Фэн.

Малени, А. И. (пер.). 1957. *Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука*. М.: Геогр. лит-ра.

Малявкин, А. Г.

1980. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии. В: Деревянко, Е. И. (отв. ред.), *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. Новосибирск: Наука, с. 103–126.

1981. *Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования)*. Новосибирск: Наука.

1989. *Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования*. Новосибирск: Наука.

Мелиоранский, П. М. 1898. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. *Журнал Министерства народного просвещения СССXVII/2*: 263–292.

Наделяев, В. М. и др. 1969. *Древнетюркский словарь*. Л.: Наука.

Нестеров, С. П. 1999. Древнетюркские погребения у с. Батени. В: Молодин, В. И. (ред.), *Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск: НГУ, с. 91–102.

Петренко, В. Г., Маслов, В. Е., Канторович, А. Р. 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация). В: Мошкова, М. Г. (ред.), *Археологические памятники раннего железного века Юга России*. М.: ИА РАН, с. 179–210.

Полосьмак, Н. В. 2001. *Всадники Укока*. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс.

Потапов, Л. П. 1953. *Очерки по истории алтайцев*. М.; Л.: Наука.

- Рашид ад-Дин.** 1952. *Сборник летописей*. Т. 1. Кн. 2. М.; Л.: АН СССР.
- Савинов, Д. Г.** 1994. Могильник Бертек-34. В: Молодин, В. И. (ред.), *Древние культуры Бертекской долины*. Новосибирск: Наука, с. 104–124.
- Серегин, Н. Н.** 2013. *Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов)*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та.
- Софронов, М. В.** 2007. *Китайский язык и китайская письменность: курс лекций*. М.: АСТ: Восток-Запад.
- Таскин, В. С.**
1984а. Введение. Значение китайских источников в изучении древней истории монголов. В: Таскин, В. С. (пер., комм.), *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. М.: Наука, с. 3–62.
(пер., комм.). 1984б. *Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху*. М.: Наука.
- Торланбаева, К. У.** 2007. Наследование и основы правления у восточных тюрок. *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук* 3: 54–62.
- Хазанов, А. М.**
1975. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей*. М.: Наука.
2002. *Кочевники и внешний мир*. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс.
- Шефер, Э.** 1981. *Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан*. М.: Наука, 1981.
- Яхонтов, С. Е.** 1965. *Древнекитайский язык*. М.: Наука.
- Baykara, T.** 1995. Göktürk Yazıtlarının Türk İskan (Yerleşme) Tarihindeki Yeri. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1990*. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, s. 17–29.
- Bazin, L., Hamilton, J.** 1994. Remarques sur l'expression «*kız koduz*» en turc ancien. In Bazin, L., *Les Turcs, des mots, des hommes*. Paris: Arguments, p. 164–166.
- Chavannes, E.** 1903. *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve.
- Clauson, G.** 1972. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.
- Cuisenier, J.** 1971. *Économie et parenté: essai sur les affinités de structure entre système économique et système de parenté*. Lille: Service de Reproduction des Thèses de l'Université de Lille III.
- Donuk, A.** 1982. Çeşitli Topluluklarda ve Eski Türkler'de Âile. *Tarih Dergisi* 33: 147–168.

Ecesdy, H. 1972. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* XXV: 245–262.

Giraud, R. 1961. *L'Inscription de Baïn Tsokto: Édition Critique*. Paris: Adrien Maisonneuve.

Gökalp, Z.

1976. *Türk Medeniyeti Tarihi. Birinci kısım: İslâmiyetten Evvel Türk Medeniyeti*. İstanbul: Kültür Bakanlığı Yayınları .

1981. Türklerde Milli İktisat Devreleri. B: Gökalp, Z., *Makaleler VIII*. Ankara: Gündüz Matbaası, s. 88–96.

İnan, A. 1948. Göçebe Türk Boylarında Evlâtlık Müesseseleriyle İlgili Gelenekler. *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi* VI/3: 127–137.

Johansen, U. 1994. *El und bodun*. In Röhrborn, K., Veenker, W. (hg.), *Memoriae Munusculum. Gedenkband für Annemarie v. Gabain*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, s. 73–84.

Julien, S. 1864. Documents historiques sur les Tou-kiue (Turcs). Extraits du Pien-i-tien et traduits du chinois. *Journal Asiatique* III: 325–367, 491–549.

Kafesoğlu, İ. 1997. *Türk Milli Kültürü*. 4. bk. İstanbul: Ötüken Neşriyat.

Khazanov, A. M. 1994. *Nomads and the Outside World*. 2nd ed. Madison: University of Wisconsin Press.

Krader, L. 1955. Principles and Structures in the Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralists. *Southwestern Journal of Anthropology* 11(2): 65–92.

Liu Mau-tsai. 1958. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*. I. Buch. Texte Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Ögel, B. 1971. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. Cilt 2.

Parker, E. H. 1900. The Early Turks (From the PEI SHI and the SUI SHU). *The China Review* 24(4): 163–173.

Pritsak, O. 1981. *The Origin of Rus'*. Vol. 1. *Old Scandinavian Sources other than the Sagas*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Roux, J. P. 2007. *Türklerin Tarihi : Pasifik'ten Akdeniz'e 2000 yıl*. İstanbul: Kabalcı.

Sertkaya, O. F.

1995. Göktürk Tarihinin Meseleleri: Yenisey Yazıtlarının Yayınlarındaki Bazı Okuma ve Anlamlandırmaların Düzeltilmesi, Yeni Okuma ve Anlamlandırma Teklifleri. In *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1993*. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, s. 67–75.

2011. E 2 – Uyük-Arjan (Tuva) Yazıtı. *Turkish Studies* 6(1): 25–33.

Spuler, B. 1966. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken. In Spuler, B. (hrsg.), *Handbuch der Orientalistik*. 1. Abt. *Der Nahe und der*

Mittlere Osten. Bd. V. Altaistik. Abschnitt 5. Geschichte Mittelasiens. Leiden; Köln: E. J. Brill, S. 123–310.

Şirin User, H. 2009. *Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi.* Konya: Kömen Yayınları 32.

Taşagıl, A. 2003. *Gök-Türkler I.* 2. bk. Ankara: Türk Tarih Kurumu.

Tekin, T. 2003. *Orhon Türkçesi Grameri.* 2. bk. İstanbul: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi 9.

Tuna, O. N. 1988. Bazı İmlâ Gelenekleri Bunların Metin İncelemelerindeki Önemi ve Orhon Yazıtları'nda Birkaç Açıklama. *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1957.* 2. bk. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, s. 41–81.

Turan, O. 1969. *Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti.* 2. bk. İstanbul: Turan Neşriyat Yurdu.

Zeki Validi Togan, A. 1939. *Ibn Faḍlān's Reisebericht.* Leipzig: Kommissionsverlag F. A. Brockhaus.